

Г. А. Дырхеева

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БУРЯТ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ БИЛИНГВИЗМЕ

Статья посвящена анализу системы ценностей бурятского этноса, особенностям ее трансформации в условиях усиливающегося роста числа бурятско-русских билингвов, утраты бурятами родного языка. На основе данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди бурят-билингвов на родном и русском языках, сопоставления с материалами по «Русскому ассоциативному словарю», данными проведенного ранее этнопсихологического исследования делается попытка показать степень устойчивости ценностной системы бурят. Выявлены базовые ценностные компоненты бурятского языкового сознания, показано, что влияние русского языка преимущественно сказалось на отражении «реального» окружения, установлено, что пока сила влияния национального языкового кода достаточно высокая, соответственно, поддерживается национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания, как миролюбивого, не агрессивного.

Ключевые слова: *языковое сознание, ценности, ассоциативный эксперимент, бурятский язык, билингвизм.*

Ценности – основной стимул человеческой деятельности, главный нормообразующий фактор. Система ценностей любого этноса – объект изучения представителей различных научных направлений. Актуальность этой темы возрастает сегодня в условиях стремительной глобализации, и, соответственно, активизации гуманитарных исследований, особенно в области межкультурных коммуникаций.

Проблема межкультурных коммуникаций признается наиболее актуальной в гуманитарных науках конца XX – начала XXI в., что объясняется расширением границ и информационных пространств в современном мире, активизацией интеграционных процессов. В то же время как реакция на эти процессы наблюдаются этнокультурная дифференциация, повышенный интерес к своей истории, культуре, возрождение религии, обычаев и традиций и, несомненно, интерес к изучению содержания системы ценностей того или иного народа. Таким образом, происходит усиление влияния на указанные глобализационные процессы таких субъективных факторов, как оценка, настроение, чувства, эмоции, интенции и т.д., анализ и учет которых крайне необходимы при рассмотрении межнационального взаимодействия и, в крайнем случае, этнических конфликтов.

В современной психолингвистике одним из основных направлений является изучение индивидуальных, а также коллективных ценностных представлений. В частности, для этого используется понятие «ценностная картина мира». Как отмечает В. И. Карасик (Карасик, 2000: 108), «ценностная картина мира конструируется на основе анализа прецедентных для данной культуры текстов, значений слов и фразеологических единиц, формульных моделей этикетного поведения, а также при помощи ассоциативных экспериментов и опроса информантов». То есть, способов выявления ценностной языковой картины мира достаточно много, и они разнообразны. Например, Г. Гачев (Гачев, 2002) пишет, что уже в простом и повседневном акте взаимного приветствия люди выражают свои «символы веры», подчеркивают то, что ценно для них в повседневной жизни. Так, для русских это здоровье – «Здравствуйте!». Или: я вам желаю здоровья. Итальянец обычно приветствует: *Come sta?* – «Как стоишь?» То есть для них важна стабильность. А для французов – движение, динамика, так как они интересуются: *Comment ca va?* – «Как это (нечто) идет?» Иудей сказал бы «Шалом!», что значит: «Мир!» Англичанин и американец спрашивают: *How do you do?* «Как вы делаете?», то есть для них важным является труд, работа. Очевидным является значение первого вопроса у китайцев: «Сыт ли ты, не голоден?» Что касается бурят, то при встрече одним из первых обычно

является вопрос: *Хаанаһаа б ии?* «Откуда ты, чей ты?» При этом, скорее всего, это вопрос не о месте рождения, которое у кочевника порой было сложно определить, а о принадлежности к определенному роду. Знание родословной имело огромное значение для бурят, оно было многофункциональным и полиинформативным и являлось составной частью их национального культурного пространства.

Культура бурятского народа, как и любая другая национальная культура уникальна, а, с другой стороны, положение на границе двух культур (монгольской и русской), трех религий (буддизм, шаманизм, христианство) обусловило, например, наличие в бурятском языке элементов и реликтов, характерных для бурятского и русского языков. Сегодня же в связи с активизацией глобализационных процессов, урбанизацией, социальным переустройством значительные изменения происходят, в том числе, и в языковой ситуации в Бурятии, которые сказались, прежде всего, на положении и состоянии бурятского языка. Многочисленные социолингвистические и социологические исследования показывают, что бурятский язык находится в критическом состоянии. Объем общественных функций, выполняемых бурятским языком незначителен, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, социальная база литературного бурятского языка постепенно сокращается. Регулярно проводимые обследования показывают, что все буряты владеют русским языком, а уровень владения родным языком постоянно снижается. Так, официальные данные по переписи населения показывают резкое снижение доли владеющих бурятским языком с 81,4% в 2002 г. до 43,6% в 2010 г. То есть, практически, в Бурятии буряты монолингвы в настоящее время отсутствуют.

Активное усвоение бурятами русского языка привело, в частности, не просто к усвоению новой для бурятского языка русской лексики, но и к усвоению соответствующих лексических стереотипов, изменяются парадигматические отношения между лексемами, расширяются возможности сочетаемости слов, увеличивается число синонимических рядов за счет пополнения словаря за счет русизмов и т.д. В настоящее время в бурятской разговорной речи встречаются не только заимствования, вставки, но и смешение, и переключение кодов. В связи с этим встает проблема изучения различных видов вариативной речи бурят-билингвов, а также проблема изучения особенностей трансформации языкового сознания в условиях двуязычия.

Можно отметить, что механизм речевого общения в неоднородной языковой среде, представляющий множество вариантов лингвистического приспособления носителей языка в целях взаимопонимания, малоизученная проблема как в общем языкознании, так и в бурятском. Также, практически, отсутствуют исследования национально-культурной специфики реального функционирования бурятского языка и увязываемых с ним культурных ценностей, недостаточно разработок, связанных с анализом лингвокультурной компетенции носителей бурятского языка, как в области русской языковой культуры, так и в области родной бурятской, а также с особенностями ее трансформации в связи с активным развитием двуязычия, поскольку общеизвестно, что тесное взаимодействие двух языков обычно приводит к изменению способа отображения мира чаще в малом языке вплоть до полной замены исходных понятий, идет изменение лексического состава и коммуникативных норм того или иного языка, оно трансформирует его культурную и ценностную систему.

Наиболее полно традиционные ценности бурят рассматриваются этнопсихологом И. Э. Елаевой в коллективной монографии «Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества» (Елаева, 1994). Материалом для ее исследования послужили бурятский героический эпос «Гэсэр» и бытовые сказки. Автор выделяет следующие компоненты системы ценностей бурят: 1) смысл бытия человека, характер отношения к жизни; 2) отношение к Родине; 3) через любовь к Родине – ценностное отношение к природе; 4) человек и отношение к нему; 5) институт почтения старших; 6) уважение к женщине; 7) семья; 8) почитание огня; 9) дети; 10) родственные связи; 11) отношение к красоте; 12) представления о трудовой деятельности; 13) представления об идеальном человеке, его чертах характера.

Очевидно, возникает вопрос, в каком виде традиционные ценности представлены сегодня, каким образом они проявляются в поведении и, в частности, в языке представителей современного бурятского этноса, прекрасно владеющего русским языком и постепенно теряющего родной бурятский язык?

Как известно, способов выявления ценностной языковой картины мира достаточно много и они разнообразны. Например, частота употребления слов может отражать ценностные ориентации и этнические установки. Так, в частотном словаре по произведениям Х. Намсараева (Дырхеева, 1992: 212–237) среди самых частых существительных встречаются: *хун* ‘человек’ (2875), *гэр* ‘дом’ (878), *үгэ* ‘слово’ (790), *морин* ‘лошадь’ (721), *газар* ‘земля’ (692), *нүхэр* ‘друг’ (574), *саг* ‘время’ (453), *ажал* ‘работа’ (439), *hanaan* ‘мысль’ (419), *сай* ‘чай’ (358), *үе* ‘сустав, поколение’ (341), *зон* ‘народ’ (337), *баян* ‘богатство’ (314), *уһан* ‘вода’ (294), *хэрэг* ‘дело’ (292) и т.д. Среди прилагательных самыми высокочастотными являются: *ехэ* ‘большой’ (1413), *хара* ‘черный, темный’ (785), *хайн* ‘хороший, добрый’ (548), *бага* ‘маленький’ (437), *сагаан* ‘белый, светлый’ (414), *зүб* ‘правильный’ (343), *бишыхан* ‘маленький’ (328), *хайхан* ‘красивый’ (308), *муухай* ‘грязный, некрасивый, злой’ (299) и т.д. Высокочастотными являются глаголы: *ябаха* ‘идти’ (2358), *хараха* ‘смотреть’ (2247), *ерэхэ* ‘приходить’ (1598), *хэлэхэ* ‘говорить’ (1544), *hanaха* ‘думать’ (1148) и др., а также модальное слово *ёһотой* ‘должно, надо’ (435).

Как видим, в данном списке просматриваются основные этнокультурные доминанты бурятского народа. Так, общеизвестно, что главной ценностью у всех народов и у бурят, в том числе, является *человек*, *хун*. Это слово занимает первую позицию в ядре языкового сознания (ЯС) большинства (подвергшихся ассоциативному анализу) языков. Особенностью бурятского ЯС является также высокая оценка значимости друга (*нүхэр*), коня (*морин*), народа (*зон*). Среди реалий для бурят важны дом (*гэр*), земля (*газар*), время (*саг*), работа (*ажал*), мысль (*hanaan*), чай (*сай*), вода (*уһан*), богатство (*баян*), дело (*хэрэг*). Типичными действиями являются идти (*ябаха*), смотреть (*хараха*), говорить (*хэлэхэ*), думать (*hanaха*)¹. К словам-оценкам можно отнести хороший (*хайн*), правильный (*зүб*), красивый (*хайхан*). Качество чаще оценивается прилагательными: *ехэ* ‘большой’, *хара* ‘черный, темный’, *бага* ‘маленький’, *сагаан* ‘белый, светлый’, *бишыхан* ‘маленький’, *муухай* ‘грязный, некрасивый, злой’. Причем слова типа *муухай* ‘грязный, некрасивый, злой’, *хара* ‘черный, темный’, *сагаан* ‘белый, светлый’ в силу их многозначности можно отнести и к словам оценкам.

Общеизвестно, что для выражения оценочности-эмотивности используются различные языковые средства: эпитеты, сравнения, гиперболы, метафоры. Однако наиболее явно оценочность проявляется на уровне лексики, а именно таких прилагательных как *хороший*, *плохой*, *красивый*, *бедный*... В связи с этим в ходе изучения ядра языкового сознания бурят-билингвов (Дырхеева, 2016) была сделана попытка не только раскрыть содержание некоторых ценностных фрагментов бурятской языковой картины мира (*человек*, *дом*, *семья*, *здоровье* и др.), но и выявить особенности изменения в структуре ценностных ориентаций, связанные как с социально-культурными трансформациями, так и с переходом на другой, русский, язык общения.

Материалом для данного анализа послужил свободный ассоциативный эксперимент, вошедший как часть в лингвистический тест на основе 84 слов-стимулов, включающих слова как различных тематических групп (персоналии, цвета, реалии др.), так и частей речи (существительные, прилагательные, глагол) и представленных на двух языках – бурятском и русском.

Основная задача эксперимента была выявить типы и виды реакций, их ценностные лингвокультурологические значения. В эксперименте участвовали 200 испытуемых (100 – буряты, заполнившие анкеты на бурятском языке, 100 – буряты, заполнившие анкеты на русском

¹ Самыми высокочастотными являются глаголы гэхэ ‘говорить’ (11501), байха ‘быть, находиться’ (8434) и болохо ‘становиться’ (4106), частота которых во многом объясняется их многофункциональностью, часто они выступают в качестве вспомогательных глаголов и служебных слов.

языке), бурятско-русские билингвы в возрасте от 18 до 65 лет. Выбор заполнения анкет на русском или бурятском языке определялся самими испытуемыми, он зависел от языковой компетенции респондентов. К сожалению, данный эксперимент еще раз показал, что для многих респондентов было затруднительно выполнить тестовые задания на бурятском языке, русскоязычные анкеты не вызывали никаких затруднений.

Эксперимент проводился в г. Улан-Удэ, г. Закаменск, селах Кижинга, Сосново-Озерск, Курумкан, Баянгол.

Выбор же слов-стимулов был обусловлен как задачами психолингвистического исследования, так и возможностью использовать их в дальнейшем в различных сравнительных лингвокультурологических исследованиях. Всего на бурятском языке выявлено 3227 разнообразных реакции, на русском – 3617.

Основные результаты опроса представлены в таблице, где Б1 – реакции бурят на бурятском языке, Б2 – реакции бурят на русском языке, Р – реакции русских (по данным Н. В. Уфимцевой (Уфимцева, 2009)). Первая цифра в скобках – количество реакций-гнезд, в которых встретилось слово, вторая цифра – общая частота встречаемости слова.

Ядро языкового сознания бурят-билингвов и русских

	Б1	Б2	Р
Персоналии	Хүн 'человек' (69/187) Нүхэр 'товарищ, друг' (23/82) Эжы 'мама' (19/81) Үхибүүн 'ребенок, дитя' (13/39) Аба 'отец' (12/36) Зон 'народ' (12/20) Басаган 'дочь, девочка' (10/47) Хүбүүн 'сын, мальчик' (10/26) Эхэ 'мать' (10/21) Үбгэн 'старик' (8/18) Багша 'учитель' (9/41) Айлшан 'гость' (8/19) Арад 'народ' (8/18)	Человек (24/113) Друг (14/96) Мама (11/21) Люди (11/19) Я (мой) (10/16) Народ (9/15) Бог (8/46) Близкие (8/13) Отец (7/16) Мужчина (7/11) Дети (6/10) Друзья (6/9) Учитель (5/7)	Человек Друг Дурак Мужчина Ребенок Парень Я Женщина Мальчик Девушка Мужик Муж Он
Реалии	Гэр 'дом' (40/169) Наһан 'возраст, годы, жизнь' (24/58) Наран 'солнце' (21/142) һанаан 'мысль, намерение, желание' (19/37) Бэе 'тело, организм' (19/22) Байдал 'состояние, жизнь' (18/36) Юумэн 'вещь' (17/27) Эдээн 'пища, еда' (16/66) Ном 'книга' (16/38) Нютаг 'родина' (15/49) Ажал 'работа' (14/49) Ухаан 'ум, разум' (13/27) Хэрэг 'дело, нужда' (12/25) Сэдьхэл 'мысль' (12/25)	Жизнь (33/65) Дом (20/62) Любовь (16/29) Всё (14/14) Работа (13/57) Радость (11/28) День (11/27) Время (11/17) Мир (11/13) Сила (10/17) Чистота (10/12) Тепло (9/41) Правда (8/69) Деньги (8/31)	Дом Жизнь Деньги Лес День Любовь Работа Вода Радость Дело Смерть Стол Дорога Мир
Оценки качества	һайн 'хороший, добрый' (44/86) Хүнэй 'человеческий' (28/43) Сагаан 'белый' (23/81) Сэбэр 'чистый' (18/46) Гоё 'нарядный, красивый' (14/32) Түргэн 'быстрый' (14/29) һайхан 'красивый' (12/77) Буряад 'бурятский, бурят' (12/21) Дулаан 'теплый' (11/28) Хара 'черный, темный' (11/20)	Хороший (20/56) Родной (15/60) Добрый (14/34) Любимый (14/33) Чистый (13/35) Белый (11/61) Большой (11/26) Новый (11/18) Святой (10/20) Светлый (10/17)	Большой Хороший Старый Умный Сильный Мой Плохой Красный Белый Зеленый

	Шанга 'сильный' (11//13) Муу 'плохой' (10/35) Холо 'далеко, далекий' (10/21) Шэнэ 'новый' (9/15) Залуу 'молодой' (9/13) Ондоо 'другой' (8/28)	Старый (9/18) Дорогой (9/13) Красивый (8/22) Вечный (8/14) Священный (8/9) Веселый (7/11)	Маленький
Действия	Ябаха 'идти' (9/28) Олохо 'находить' (6/55) Абаха 'брат' (6/10)	Есть (7/24) Иметь (7/12)	Говорить Жить Думать

Сравнительный анализ показывает, ядро языкового сознания – это, в основном, не только самые частотные слова-реакции, но и самые важные национально-значимые ценностные лексемы. Как отмечено выше, общеизвестно, что главной ценностью у всех народов является *человек*. Бурятский язык не является исключением: в группе персоналий совпадают, как и в группе Р, первые реакции *человек* и *друг*, как у носителей бурятского языка, так и у бурят, ответивших на вопросы русскоязычного теста. В целом же можно отметить, что число одинаковых вхождений в высокочастотную зону в группах Б1 и Б2 больше, чем в группах Б2 и Р. Это слова *хун* 'человек', *нүхэр* 'друг', *эжы* 'мама', *үхибүүн* 'ребенок, дитя' (*дети* в Б2), *аба* 'отец', *багша* 'учитель', *арад* 'народ' (*люди* в Б2). И всего четыре совпадения наблюдаются между группами Б2 и Р: *человек*, *друг*, *я* и *дети* (*ребенок* в Р).

Существенным отличием является появление в русскоязычной группе бурят местоимения *Я* (*мой, моя, моё*), которое можно объяснить, скорее всего, влиянием русского языка на бурятское языковое сознание. Появление понятия *Бог* в данном случае объясняется тем, что среди слов-стимулов были заданы такие специфические слова-регионализмы религиозной тематики как *Будда*, *дацан*, *сэржэм*.

Отличительной особенностью бурятского языкового сознания является высокая оценка *багша* – *учителя* и *айлшан* – *гостя*. Причем *учитель* вошел и в высокочастотную зону русскоязычных бурят. Данный факт подтверждает такую характеристику этнической особенности бурят как стремление к получению образования и, соответственно, поддержка авторитета *учителя*. Так, например, одной из наиболее частых реакций на образную характеристику 'умный, как' (Дырхеева, 2008) также является *учитель* – *багша*. Реакция *багша* на слова *бурхан* и *Будда* – один из наиболее ярких ценностных ориентиров, которые связаны с приверженностью бурят к буддийской религии.

Вхождение в высокочастотную группу Б1 слова *айлшан* 'гость' можно объяснить тем, что, как и для многих восточных народов, гостеприимство у бурят – это норма поведения, своего рода ритуал, который подразумевает определенные нормы поведения.

Необходимо также отметить, что показателем важности для бурят родовых отношений является сохранение в русскоязычной группе слов *мама*, *близкие*, *дети* и *отец*, которые отсутствуют как самые важные в русском языковом сознании (группа Р). О важности родовых отношений говорит также тот факт, что в группу Б1 входят синонимы *эжы* 'мама' и *эхэ* 'мать'. Характерно также то, что в отличие от русского языкового сознания в двуязычном бурятском сознании отсутствуют такие слова с пейоративной окраской, как *дурак* (занимающее, по данным РАС, третье место в списке русских реакций-реалий) и *мужик*.

То есть, можно сказать, что анализ группы реакций-персоналий показывает близость языкового сознания бурят, на родном и на русском языках в отличие от группы реакций-реалий.

Несмотря на то, что первые две позиции здесь совпадают во всех трех обследованных массивах (Б1, Б2 и Р): *жизнь* и *дом* являются наиболее значимыми понятиями как для русских, так и для бурят, значительное число реакций (*любовь*, *день*, *мир*, *радость*, *деньги* и др.) в группах Б1 и Б2 существенно различаются. Число совпадений между Б1 и Б2 равно трем (*гэр* 'дом', *наһан* 'возраст, годы, жизнь', *ажал* 'работа'), а между Б2 и Р восьми. Судя по результатам эксперимента, к бурятским традиционным ценностным доминантам относится *жизнь* (*наһан*

и *байдал*) во всех ее проявлениях. Важно, чтобы были *гэр* ‘дом’, *нютаг* ‘родина’, чтобы светило *наран* ‘солнце’, *бэе* ‘тело’ было здоровым, чтобы была *ажал* ‘работа’ и *хэрэг* ‘дело’, тогда будет *эдеэн* ‘пища’ и *ном* ‘книга’. Однако важнее всего оказалась мыслительная деятельность: *hanaan* ‘мысль, намерение’, *ухаан* ‘ум, разум’ и *сэдьхэл* ‘мысль’.

Частота реакции *юумэн* ‘вещь’ определяется многозначностью слова, кроме прямого значения, оно может употребляться в значении местоимения ‘что-то, нечто’, в качестве слова-заместителя, для обозначения абстрактного признака, а также предмета, снабженного им и т.д. Данную реакцию можно соотнести с реакцией *всё* в ответах бурят в русскоязычном тесте. Анализ зоны «реалии» показал, что языковое сознание бурят на русском языке, в «реальности» оказалось ближе к языковому сознанию русских. Для современных бурят, прекрасно владеющих русским языком, кроме *дома*, *жизни* и *работы* важными оказались *время*, *день*, *деньги*, важно, чтобы было *тепло*, *чисто* и *радостно*, чтобы царили *мир* и *сила*. Но, самое главное, чтобы была *любовь*. Отсутствие данного понятия в части Б1, возможно, объясняется тем, что, как отмечает Е. В. Сундуева, «данная семантическая сфера была сформирована достаточно поздно» (Сундуева, 2016: 189) и в монгольских языках выражается по-разному.

Как показал анализ, для бурятского языкового сознания самыми важными словами-реакциями, обозначающие оценочно-качественные характеристики, являются: *хайн* ‘хороший, добрый’ (44/86), *хүнэй* ‘человеческий’ (28/43), *сагаан* ‘белый’ (23/81), *сэбэр* ‘чистый’ (18/46), *гоё* ‘нарядный, красивый’ (14/32), *түргэн* ‘быстрый’ (14/29), *хайхан* ‘красивый’ (12/77), *буряад* ‘бурятский, бурят’ (12/21), *дулаан* ‘теплый’ (11/28) и т.д.

Соответственно, самые частые оценочные слова-реакции бурят на русском языке: *хороший* (20/56), *родной* (15/60), *добрый* (14/34), *любимый* (14/33), *чистый* (13/35), *белый* (11/61), *большой* (11/26), *новый* (11/18), *святой* (10/20), *светлый* (10/17), *старый* (9/18), *дорогой* (9/13), *красивый* (8/22), *вечный* (8/14), *священный* (8/9) и др.

Как видим, в списках по рангу совпадают первые самые частые два слова *хайн* ‘хороший, добрый’ (44/86) и *хороший* (20/56). При этом *хайн* ‘хороший, добрый’ является реакцией на слова: *бэеын элүүр* ‘здоровье’, *үгэ* ‘слово’, *нүхэр* ‘друг’, *нирваан* ‘нирвана’, *айлиан* ‘гость’, *хайндэр* ‘праздник’, *хүсэхэ* ‘желать’, *шэнэ* ‘новый’, *хүн* ‘человек’ и др. *Хороший* входит в гнезда таких слов-стимулов как: *добрый*, *желать*, *друг*, *вспоминать*, *здоровье*, *слово*, *человек* и т.д.

Можно сказать, что данная группа ассоциатов в целом показывает близость языкового сознания бурят, представленных на родном и на русском языках: число совпадений между высокочастотными зонами Б1 и Б2 равно семи, а между Б2 и Р – четырем (*хороший*, *большой*, *белый*, *старый*). Разница между Б1 и Б2 заключается в том, что среди русских ассоциатов бурят отсутствуют *хүнэй* ‘человеческий’ (28/43), *түргэн* ‘быстрый’ (14/29), *буряад* ‘бурятский, бурят’ (12/21), *дулаан* ‘теплый’ (11/28), *хара* ‘черный, темный’ (11/20), *шанга* ‘сильный’ (11/13), *холо* ‘далеко, далекий’ (10/21), *залуу* ‘молодой’ (9/13), *ондоо* ‘другой’ (8/28), *улаан* ‘красный’ (8/23), *үндэр* ‘высокий’ (8/8), *шара* ‘желтый’ (7/23), *дээдэ* ‘верхний’ (7/7). А среди бурятских, соответственно, *родной* (15/60), *любимый* (14/33), *большой* (11/26), *святой* (10/20), *светлый* (10/17), *старый* (9/18), *дорогой* (9/13), *вечный* (8/14), *священный* (8/9), *один* (7/14), *умный* (7/11), *веселый* (7/11), *интересный* (7/8) и др. Можно предположить, что такое распределение ближе к ассоциативным результатам по русскому языку: *большой*, *хороший*, *старый*, *умный*, *сильный* (Уфимцева, 2003: 159).

Необходимо, однако, отметить, что максимальное вхождение слова *добрый* в группе Б2, скорее всего, объясняется тем, что бурятское *хайн* имеет два значения: хороший и добрый. Кроме того, например, слово *буряад* ‘бурятский, бурят’ как и многие другие слова можно рассматривать и как существительное и как прилагательное, а слова типа *хайн* ‘хороший, добрый, хорошо’ – как прилагательное и наречие. Отнесение того или иного слова к оценочно-качественной группе в данном случае определялось конкретно рассмотренными случаями, которые показали, что в данном эксперименте оно чаще встречается в функции определения.

Например, высокая частотность реакции *хүнэй* ‘человеческий’ отчасти объясняется тем, что это родительный падеж от слова *хүн* ‘человек’, но ее выделение в качестве самостоятельной реакции связано с тем, что оно чаще встречается в качестве прилагательного.

Очевидно также, что в ряде случаев наблюдается существенное несовпадение семантических полей некоторых слов, что повлияло на типы реакций, например, для бурятского слова *бодохо*, имеющего два омонимичных значения ‘думать’ и ‘вставать’, характерно преимущество смежных реакций. Соответственно, реакции испытуемых представлены на оба значения и разнятся с реакциями на русское слово ‘думать’, среди которых преобладают реакции типа ‘думать о будущем’. Интересно, что для бурятского варианта оказалась нехарактерной группа реакций типа ‘думать о будущем, о здоровье, о семье, о хорошем, о близких и т.д.’ Подобные реакции чаще приводятся на многозначное парное к *бодохо* слово *һанаха* ‘вспоминать, думать’.

Как считает В. М. Егодурова, «различия в семантической структуре многозначных слов сопоставляемых языков связаны со специфическими особенностями ассоциативных связей между их основными и производными значениями. Характер ассоциативных связей слов, на основе которых возникают переносные значения, связан с национальным языковым мировидением и потому имеет значительные различия... Особенности семантики полисемии русских и бурятских слов, на наш взгляд, отражают одну из типичных черт ментальности носителей русского языка – эмоциональность, носителей бурятского языка, как правило, меньшую эмоциональность, сдержанность» (Егодурова, 2007: 70–71).

Подтверждение выделения такого ценностного компонента как «любовь к Родине, к своему народу», выделенного И. Э. Елаевой, можно проследить как по результатам данного анализа (в группе Б1 в зоне «персоналии» реакции *арад* и *зон* ‘народ’, в зоне «реалии» – *нютаг* ‘родина’, в зоне «оценки-качества» – *буряад* ‘бурят, бурятский’, в группе Б2 – *родной*), так и по результатам анализа реакций на этностимулы (*бурят, русский, китаец*) (Дырхеева, 2017). В частности, анализ авто- и гетеростереотипов бурят показал, что подавляющим большинством ассоциаций на бурятском языке для всех слов является определение понятия *яһатан* ‘нация, народность, принадлежность к «кости», роду, племени’. На русском языке для этнонима *бурят* оно, практически, совпадает – национальность, нация. То есть, можно сказать, что наиболее характерным представлением о себе или автостереотипом для бурят на родном языке является представление о национальном единстве, о родной земле: *яһатан, яһан, манай яһатан* ‘наш народ, наша нация’, *мини яһатан* ‘мой народ’, *зон* ‘народ’, *нютаг* ‘родное место, родные кочевья, родина, улус’, *нютаагархин* ‘одноулусники, земляки’, *тоонто* ‘послед, плацента, место рождения’, *уг гарбалтай* ‘происхождение, предки’, *хонгоодоор* ‘хонгодор (одно из бурятских племен)’.

Далее, общеизвестно, что одной из важнейших ценностных категорий бурят как кочевников, является природа. Наиболее ярко этот компонент проявляется в сравнительных конструкциях (Дырхеева, 2008), например, в сравнениях типа: *газар, дайда, далай, дэлхэй, аглаг дэлхэй, Байгал шэнги баян* (‘богатый, как земля, мир, свет, простор, Байкал’); длинные волосы сравниваются не только с гривой лошади, но и дорогой. С родником – *булаг* – сравниваются как внешние данные: *булагай уһан шэнги гоё нюур* (‘лицо красивое, как вода источника’), *булаг шэнги гоё нюдэн* (‘глаза, красивые, как источник’), так и внутренние свойства человека – *булаг шэнги ухаатай нюдэн* (‘глаза умные, как источник’), состояния – *булаг шэнги баян* (‘богатый, как источник’).

Выделение такой ценностной компоненты как «представление об идеальном человеке» и о «трудовой деятельности» подтверждается при ассоциативном анализе идеографического поля *мужчина*. Особенностью определения *мужчины* – *эрэ хүн* – на бурятском языке является реакция *отец* – *аба, эсэгэ, баабай* (лексемы различных диалектов), на втором месте стоит определение *бэһэ, бэһэтэй, бүһэтэй* ‘пояс, опоясанный’. Данный внешний признак, наличие кушака, является в бурятской культуре определением мужчины: *бэһэтэ хүн* – ‘мужчина’. В вариантах ответов бурят на русском языке первое место занимает определение *сила, сильный*, на

втором – *отец, papa*. В отличие от вариантов реакций русских, где значимыми являются такие определения *мужчины* как *красивый, красавец*, для бурятского языкового сознания важными являются национально-культурные определения: *хазаартай* ‘конь, аргамак’, *эмээлтэ* ‘оседланный’, *мэргэн* ‘меткий стрелок’. При этом чаще оцениваются деловые качества *мужчины*: *ажалша* ‘труженик’, *ангууша* ‘охотник’, *хүдэлмэри* ‘работа’, *машина, род (продолжатель рода), агнуури* ‘промысел, охота’. На русском языке в ответах бурят-билинггов представлены только две деятельностные характеристики: *работяга* и *продолжатель рода*. Можно также отметить, что респондентами, практически, не представлены какие-либо отрицательные характеристики *мужчины*. Так, стереотипами мужского поведения в русской и других культурах считаются, в том числе: *трус, скряга, пустомеля, гуляка* и т.д. Для бурятской же языковой культуры характерна такая высокая оценка *мужчины* как *эрдэни* ‘драгоценность’.

Таким образом, подтвердилось, что ценностная ориентация – ключевой компонент национальной картины мира, национального характера. Сравнение языкового сознания бурят в условиях бурятско-русского двуязычия, представленные ассоциативные реакции бурят на русском и бурятском языках показали, что ценностная картина мира бурят обладает устойчивостью. Несомненно, что иноязычное влияние способствуют изменению лексического состава и коммуникативных норм бурятского языка, оно трансформирует его культурную и ценностную систему, но, в первую очередь, в области «реального» отражения мира. Национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания пока сохраняется, в частности, оно более миролюбивое, менее агрессивное. Открытость и доброжелательность бурятского этноса определяется, например, тем, что наиболее частыми оценочными словами-реакциями на бурятском языке являются слова с положительной коннотацией: *хайн* ‘хороший, добрый’ (44/86), *сэбэр* ‘чистый’ (18/46), *хүнэй* ‘человеческий’ (28/43), *сагаан* ‘белый’ (23/81). На русском языке это реакции *хороший, родной, добрый, любимый, светлый, святой* и др.

Сравнение с ценностными компонентами, выделенными И. Э. Елаевой, показывает, что к базовым ценностям бурятской культуры, транслирующимся из поколения в поколение, можно отнести человека и отношение к нему, отношение к Родине, к природе, семью, родственные связи, представления о трудовой деятельности, об идеальном человеке, его чертах характера.

Анализ также показал, что имеются совпадения реакций бурятских респондентов на родном и русском языках с данными по РАС, представленными Н. В. Уфимцевой (Уфимцева, 2011: 236) о языковом сознании русских, которые подтверждают наличие такого общего круга ценностей как *дом, человек, жизнь, друзья, работа, дело, хороший*. То есть, независимо от этнокультурной принадлежности система общечеловеческих культурных и духовных ценностей стабильна. Очевидно также, что, скорее всего, религиозной принадлежностью бурят к традиционной буддийской культуре объясняются расхождения в оценке таких ценностей как *ум, деньги, книга, учитель...*, а также практически, в отсутствии среди самых частотных отрицательных оценочных реакций как среди реакций-реалий, так и среди реакций-персоналий и качеств-оценок.

Список литературы:

- Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2002.
- Дырхеева Г. А. Образные сравнения и национально-культурная специфика языкового сознания (на примере бурятско-русского двуязычия) // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия Филология. – 2008. – Вып.10. – С. 3–9.
- Дырхеева Г. А. Использование частотного словаря для оптимизации преподавания бурятского языка. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. – 238 с.
- Дырхеева Г. А. О ядре языкового сознания бурят-билинггов // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 30. – С. 54–63.
- Дырхеева Г. А. О некоторых особенностях авто- и гетеростереотипов в языковом сознании бурят-билинггов // Мир Центральной Азии-4: сб. науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2017. – С. 437–442.

Егодурова В. М. Бурятский язык в сравнении с русским как средство выражения этнической идентификации // Проблемы становления и развития национального самосознания: сб. ст. отв. ред. В. В. Башкеева [Серия Русский национальный текст]. – Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – С. 69–74.

Елаева И. Э. Традиционные ценности и этническое самосознание бурят // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М., 1994. – С. 184–216.

Карасик В. И. Ценностная картина мира: межкультурный аспект // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. – М., 1–3 июня 2000 г. / под ред. Е. Ф. Тарасова. – М., 2000. – С. 108–109.

Сундуева Е. В. Семантическая сфера любви в монгольских языках // Гуманитарный вектор. Серия Филология. Востоковедение. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 189–193.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурные исследования языкового сознания. Сб. ст. Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Изд. 2-е. – М., 2003. – С. 139–163.

Уфимцева Н. В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. – 2009. – № 4. – С. 98–111.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011.

Дырхеева Г. А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.

E-mail: an5dag1@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16 января 2018 г.

G. A. Dyrkheeva

THE VALUE COMPONENT IN THE BURYAT WORLDVIEW AND LANGUAGE USE: TRANSFORMATION FEATURES AT BILINGUALISM

The article is devoted to the analysis of Buryat value system, features of its transformation in the conditions of growing number of the Buryat-Russian bilinguals, mother tongue loss in Buryats. The data for the study came from the free associative experiment made among the Buryat bilinguals in both native and Russian language, comparative analysis of the materials of "The Russian associative dictionary", the data of the ethnopsychological research by I. E. Elaeva conducted earlier, and the available data on word frequency in the classic of the Buryat literature by Kh. Namsaraev. The research demonstrates the degree of stability of Buryat value system. The comparative analysis shows that the most high-frequency words are national, most significant lexemes. For the Buryat, the patrimonial relations are important, which is demonstrated by the preservation even in Russian-speaking respondents of such word-responses as *mother*, *relatives*, *children* and *father*. Traditional value dominants are *life*, *house*, *homeland*, *sun*, *body*, *work*, *food*, *book*, *thought*. The data also show that the distinctive feature of the Buryat consciousness is the appreciation of the *teacher* and *guest*. The most significant word-responses designating qualitative characteristics are: *hayn* 'good, kind', *khuney* 'human', *sagaan* 'white', *seber* 'pure', *goyo* 'elegant, beautiful', *turgen* 'fast', *haykhan* 'beautiful', *buryad* 'Buryat', *dulaan* 'warm'. "The love to the country, to the people" is confirmed by entry into high-frequency group of such responses in the domain "person" as: *arad* and *zon* 'people'; in the domain "realia" – *nyutag* 'homeland', in the domain "quality evaluations" – *burayd* 'Buryat'. The analysis of comparative constructions also shows that the major value category for Buryat nomads is the nature. The comparative analysis of basic value components of the Buryat language use shows that the influence of Russian language is mainly reflected in a so called "real" environment. It is also established that the influence of a national language code remains rather high, which respectively, also maintains such key Buryat cultural, social consciousness features as emphasizing being peaceful, unaggressive.

Key words: *language consciousness, values, associative experiment, Buryat language, bilingualism.*

References:

- Gachev G. Mentalnosti narodov mira [Mentalities of people of the world]. – M.: Eksmo, 2002. (in Russian)
- Dyrkheeva G. A. Ispolzovanie chastotnogo slovarya dlya optimizatsii prepodavaniya buryatskogo yazyka [Use of the frequency word book for optimization of Buryat teaching]. – Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1992. – 238 p. (in Russian)
- Dyrkheeva G. A. Obraznye sravneniya i natsionalno-kulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya (na primere buryatsko-russkogo dvuyazychiya) [Figurative comparisons and national-cultural specifics of language consciousness (the Buryat-Russian bilingualism example)] // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Seriya filologiya. – 2008. – Vyp.10. – P. 3–9. (in Russian)
- Dyrkheeva G. A. O yadre yazykovogo soznaniya buryat-bilingvov [On the kernel of language consciousness of Buryat bilinguals] // Voprosy psikholingvistiki. – 2016. – № 30. – P. 54–63. (in Russian)
- Dyrkheeva G. A. O nekotorykh osobennostyakh avto- i geterostereotipov v yazykovom soznanii buryat-bolingvov [About some features of auto- and heterostereotypes in language consciousness of Buryat bilinguals] // Mir Tsentralnoi Azii-4: sb. nauch. st. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – P. 437–442. (in Russian)
- Egodurova V. M. Buryatskii yazyk v sravnenii s russkim kak sredstvo vyrazheniya etnicheskoi identifikatsii [Buryat language in comparison with Russian as means of ethnic identification expression] // Problemy stanovleniya i razvitiya natsionalnogo samosoznaniya: sb.st. otv.red. V. V. Bashkeeva [Seriya Russkii natsionalnyi tekst]. – Vyp. 3. – Ulan-Ude: Izd-vo Butyatskogo gosuniversiteta, 2007. – P. 69–74. (in Russian)
- Elaeva I. E. Traditsionnye tsennosti i etnicheskoe samosoznanie buryat [Traditional values and Buryat ethnic consciousness] // Tsennosti i simvoly natsionalnogo samosoznaniya v usloviyakh izmenyayushchegosya obshchestva. – M., 1994. – P. 184–216. (in Russian)
- Karasik V. I. Tsennostnaya kartina mira: mezhdunarodnyy aspekt [The Valuable picture of the world: cross-cultural aspect] // Yazykovoe soznanie: sodержanie i funktsionirovanie. XIII Mezhdunarodnyi symposium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Tezisy dokladov. Moskva, 1–3 iyunya 2000 g. / Otv. red. E. F. Tarasov. – M., 2000. – P. 108–109. (in Russian)
- Sundueva E. V. Semanticheskaya sfera lyubvi v mongolskikh yazykakh [The semantic sphere of love in the Mongolian languages] // Gumanitarny vektor. Seriya Filologiya. Vostokovedenie. – 2016. – Vol. 11, № 3. – P. 189–193. (in Russian)
- Ufimtseva N. V. Russkie: opyt esche odnogo samopoznaniya [Russians: experience of one more self-knowledge] // Etnokulturnye issledovaniya yazykovogo soznaniya: Sbornik st. – Izd. 2. – Otv. red. N. V. Ufimtseva. – M., 2003. – P. 139–163. (in Russian)
- Obraz mira russkikh: sistemnost i sodержanie [Image of the world of Russians: system and content] // Yazyk i kultura. – 2009. – № 4. – P. 98–111. (in Russian)
- Ufimtseva N. V. Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost [Language consciousness: dynamics and variability]. – M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2011. (in Russian)

Dyrkheeva G. A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher.
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS.
St. Sakh'yanovoi, 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.
E-mail: an5dag1@mail.ru